

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

ДИМИТРИЙ КИДОНИС И ИОАНН КАНТАКУЗИН (к вопросу о политической концепции середины XIV в.)

Вопрос о взаимоотношениях между отдельными людьми как проблема исторического исследования уже поднимался в научной литературе¹. Отдельные коллизии развития личных отношений позволяют подчас живее ощутить характер эпохи, ее страсти и заботы. Нити людских связей, переплетаясь, воссоздают отдельные фрагменты картины общественной жизни Византийской империи.

Письма и речи середины XIV в., несмотря на опутывающую их пелену традиционности, усиленную изощренность слога, таят разбросанные в них по крупичкам те идеи, которые, будучи собранными воедино, должны составить наше представление о политических воззрениях, имевших место в близких к императорскому двору кругах. Взаимоотношения Димитрия Кидониса и Иоанна Кантакузина дают материал для изучения политических настроений в византийском обществе середины XIV в.

История отношений героев очерка выявляется преимущественно через восприятие их одной стороной: перу Димитрия Кидониса принадлежат 12 писем² и две речи³, адресованные Иоанну Кантакузину; в «Истории» Кантакузина имя Димитрия упомянуто лишь два раза⁴.

Письма и речи Кидониса к Иоанну Кантакузину в той их части, где они не говорят, казалось бы, прямо о взаимоотношениях автора и адресата, представляют, однако, исследователю материал для выяснения отдельных проявлений политической концепции середины XIV в.

Свои первые письма к Иоанну Кантакузину Кидонис написал в 20-летнем возрасте. Разумеется, семейные политические симпатии, как это бывает⁵, оказали несомненное воздействие на формирование настроений молодого человека: его отец был послом при великом доместике императора Андроника III Иоанне Кантакузине. В речи, обращенной к последнему, Кидонис передает свои детские впечатления: «Я вспоминаю, как, придя из школы и поприветствовав его (отца. — М. П.), я слышал от него: "Пусть он будет твоим господином, дитя!"» (ὅς οὐτός εἶη δεσπότης. — Речь I, 70. 1—2).

¹ Любарский Я. Н. Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд). — ПС, 1971, 23; Он же. Михаил Пселл и Михаил Кируларий. — Кlio, 1972, 54; Он же. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М., 1978; Tinnefeld F. «Freundschaft» in den Briefen des Michael Psellos. Theorie und Wirklichkeit. — JöB, 1973, 22.

² *Démétrius Cydonès. Correspondance/ Publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956, v. 1, N 6—16; 1960, v. 2, N 400.*

³ *Cammelli G. Demetrii Cydonii orationes tres adhuc ineditae. — BNJb, 1922, 3, p. 67—76; Demetrii Cydonii ad Joannem Cantacuzenum imperatorem oratio altera. — BNJb, 1923, 4, p. 77—83; Démétrius Cydonès. Correspondance, v. 1, p. 1—10.*

⁴ *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV/Ed. L. Schopen. Bonnae, 1832, v. III, p. 107. 14—18; 185. 4—8.*

⁵ Поляковская М. А. Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила). — АДСВ, 1975, 12, с. 105.

Во время дипломатической миссии в Золотую орду ⁶ (τῶν Κασιτίων πύλων ἐπέκεινα ὁ πατήρ μοι πρεσβεύων. — Там же, 76.7) отец Кидониса неожиданно скончался, не успев вернуться домой. Сын в речи к Иоанну Кантакузину вспоминает о смерти отца «после долгого и исполненного многих опасностей посольства, вдали от жены, очага и детей» (70. 6—8). Эта смерть многое изменила в жизни семьи Кидонисов: «Неразумная неизбежность судьбы приготовила нам горестную и бесчеловечную трагедию» (70. 5—6). Димитрий упоминает в речи к Иоанну Кантакузину о теплых чувствах отца к нему: «Отец мой был тебе дружественным человеком» (70. 9—10), с благодарностью говоря адресату: «Ты оплакивал умершего» (там же). Естественно, что юноша потянулся после смерти отца к прежнему покровителю, ожидая от него защиты, сочувствия и преисполненный благодарности за добрую память об отце: «К кому из живых относился по-дружести, о тех ты после (их) смерти сохраняешь (прежнее) мнение» (70. 20—21).

Несмотря на молодость автора, его письма и речи к Иоанну Кантакузину 40-х годов обнаруживают стремление дать оценку происходящим общественным явлениям. Конечно, в появлении этого стремления мы также не можем не заметить личных мотивов. Семья Кидонисов пострадала в период зилотского движения. Димитрий называет это время «тяжелым страданием» (μόρος τε κόπος), характеризует его как «состояние, подобное чуме и западне» (ἀντί λοιμοῦ καὶ μηχανημάτων ἢ στάσις. — Письмо 8, 17—19). Сына бывшего приверженца Кантакузина, как видно из письма к Иоанну Кантакузину от 1345 г., преследовал «страх, что дом наш будет разрушен и находящееся в нем будет разграблено», «что братьям и матери будет причинен убыток» (Письмо 7, 62—64). Разумеется, положение семьи Кидонисов в антикантакузински настроенной Фессалонике было трудным: «Много на нас после его (отца. — М. П.) смерти отовсюду наступало зверей, ищущих крови и желающих грызть» (речь I, 70. 11—12). Кидонис рассматривает беды своей семьи на фоне общего положения в стране: «Во всеобщем несчастье, василевс, и наше одновременно погибало» (Ἐν δὲ τῇ κοινῇ συμφορᾷ, βασιλεῦ, καὶ τὰ ἡμέτερα προσεπόλετο. — Там же, 70.34). Димитрий, говоря о событиях 1345 г., выражает озабоченность будущим отечества: «В высшей степени меня пугает то, что связано с судьбами родины» (письмо 7, 59).

В письмах и речах к Иоанну Кантакузину, написанных в 40-е годы, Димитрий Кидонис оценивает общее положение страны в самых мрачных тонах. Эти сочинения пестрят словами συμφορά, πόλεμος, ἔχθρα, φθορά, ἀπορία, λιμός, τραῖμα, τραγῳδία. О счастье и благополучии речь идет в отношении либо далекого прошлого, либо будущих времен. Ведущий мотив сочинений 40-х годов: «Мы сотрясаемся, василевс, среди непрерывных и больших бед» (речь I, 68. 1), «к нам полное несчастье (δυστυχίας πάσης) пришло в пределы края» (письмо 8, 4—5). Виновников бед родины он называет Тельхинами — по легендарной родосской семье, из которой выходили оборотни, за что она и была уничтожена Зевсом: Тельхины «все наполнили убийствами и раздором и выдали врагам тех, о ком должны были заботиться; помешавшего же им править (Иоанна Кантакузина. — М. П.) они не пожелали. Так что одни, пережившие в безопасности трудности, лишь (с содроганием) осмеливаются о них слушать, другие из понесших кару мучаются в аду» (письмо 6, 7—10).

Впрочем, все эти сетования, не столь уже отличающиеся от царивших в высоких кругах византийского общества настроений, начинают звучать иначе, когда мы обнажаем их социальную подоснову. В первой речи к Иоанну Кантакузину Кидонис, констатируя закономерность неравен-

⁶ Laurent V. L'assaut avorte de la Horde d'Or contre l'empire byzantin. — REB, 1960, 18, p. 145—160; Loenertz R.-J. Démétrius Cydonès. De la naissance à l'année 1373. — OCP, v. 36, fasc. 1, p. 48.

ства в мире (в том числе и социального, как мы увидим далее), апеллирует к божественному предопределению: «Бог сделал большим и малым» (69.8). Как и в монодии, оплакивающей погибших в фессалоникийском восстании⁷, во второй речи к Иоанну Кантакузину Кидонис выражает свое в высшей степени негативное отношение к «оборотням», которые превратили свою бедность в противоположное ей состояние. Он называет новоиспеченных богачей «дерзкими, бесстыдными, наглыми» (*θρασεῖς, ἀναίδεις, ὑβρισταί*. — 79. 42—80.1), сетуя, что рабы не прославляют своих господ» (*οἱ γὰρ οἰκότριβες ἐκεῖνοι οὐκ ἠνεύχοντο τοὺς δεσπότης*. — 79. 23—24). С неким аристократическим сарказмом Кидонис замечает в первой речи, что «нельзя нанять слугу, ибо все исчезло на государственных должностях» (80. 4—5) Он болезненно воспринимает преследования богатых фессалоникийцев: «В отношении богатых были приговорены и огонь, и железо, и баратр» (79. 17—18). Автор сопровождает свой рассказ описанием мрачных картин: «поля, дома и города покидались жителями», «там встречались тьма вместо сияния, голод вместо неги, брань, и удары, и ругательства пришли на смену прежней благопристойности» (речь II, 79. 25—29). Приведенные фрагменты не позволяют усомниться в классовой принадлежности автора этих строк.

Димитрий Кидонис был из тех молодых аристократов, кто не только сетовал. Его речи к Иоанну Кантакузину свидетельствуют о стремлении автора разобраться в происходящем: «Часто я, спрашивая, искал причину такой жизни» (*Ἐγὼ δὲ πολλαῖς ζητήσας εὗρεῖν ἀφορμὴν τινα βίου*. — речь I, 71. 15). Кидонис пытался найти пути регулирования отношений в обществе, способы отвращения «гибели ойкумены» (68.8). Необходимым условием благополучия он считал существование сильного государства — ойкумены, объединяющей «народы и города, острова и континенты» (письмо 6, 16—17). Кидонис называет «высоким счастьем» то состояние общества, когда «все народы будут покорены, все города примут твои (Иоанна Кантакузина. — *М. II.*) законы, все признают единого властителя» (там же, 19—24). Энкомиаст видит возможность воплощения идеи общественного благополучия только в просвещенной монархии, надеясь увидеть, как «наука управляет ойкуменой» (там же, 29). Подобное общественное состояние он называет «счастьем Платона» (там же, 4).

Итак, по Кидонису, ойкумене нужен мудрый правитель — эта идея представляет тот «кирпичик», который кладется автором в основу построения образа идеального монарха. «Василевс, украшенный полной мудростью (*σοφία πᾶσι*)», — образ, находящийся в центре политической концепции Кидониса. Активное самовыражение мудрости («Мудрость будет пользоваться свободой слова». — письмо 6, 24; письмо 8, 14) — ведущая функция правителя. Кидонис считает несчастьем, когда люди, имеющие ум и почитающие справедливость, «влачат жизнь киммерийцев» (письмо 8, 20—21), т. е. пребывают в вечной тьме. Пожалуй, эта фраза, написанная в 1345 г., содержит намек на существовавшее тогда общественное состояние. Лучшие по сравнению с современными рассматриваемым сочинениям времена Кидонис относит к правлению Андроника III, «когда во всем царской власти советовал ум» (*νοῦς ἐπὶ τὴν βασιλείαν παρακαλοῦντων*. — Письмо 7, 33—35).

Следует заметить, что ведущая, по Кидонису, добродетель василевса — *σοφία*, которую традиция возводит к Платону, смыкается в его сочинениях, обращенных к Иоанну Кантакузину, с христианской идеей божественной основы власти⁸. Энкомиаст Кантакузина пишет,

⁷ PG, t. 109; Barker J. W. The «monody» of Demetrios Kydones on the zealot rising of 1345 in Thessaloniki. — *Μελετήματα στὴ μνήμη Β. Λαοῦρα*. Thessaloniki, 1975, p. 285—300.

⁸ Raybaud L.-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). Paris, 1968, p. 15. Рейбо, упоминая об

что бог «поставил в основу дел ум» (письмо 6, 6). Власть правителя как проявление функций высшей сферы должна вызывать у подданных благоговейный трепет («Божественный закон требует и общая природа советует царям нынешним всячески воздавать почести, ушедших же вспоминать с почитательностью» (письмо 7, 1—3). Обращаясь к Кантакузину, Кидонис замечает: «Твое имя словно нечто из (сферы) божественного» (там же, 50). Правителям «бог передал заботу обо всех» (письмо 6, 5—6). Кидонис полагает, что императорская власть вручается богам только тем, кто выдержал выпавшие на его долю испытания: «. . . прежде назначив (ему) трудности и показывая, что ничто не изменит твердому (его) слову, ныне же, как говорит Платон, в конце пути он (бог. — *М. П.*) венчает боровшегося, как приличествует. . . тебе, как награду за мужество, словно в состязании, вручил он императорскую власть» (там же, 12—16).

Идеальный василевс, по Кидонису, наделен всеми добродетелями, основной набор которых ведет свое начало от античных времен, — мудростью, справедливостью, мужеством, благоразумием⁹. При таком архонте «будет процветать добродетель, будет пользоваться свободой слова мудрость; василевс будет для всех имеющих власть примером всего прекрасного» (письмо 6, 21—23). Лишь правитель, «остротой [ума] и здравым смыслом превосходящий всех хоровтов Платона. . . справедливостью и иными добродетелями для остальных предстоящих в качестве примера» (письмо 7, 18—20), способен создать счастье подданных. Только при василевсе, «украшенном полной мудростью, добродетелью и (всем) наилучшим», «законы расцветают и мудрость свободно высказывается» (письмо 8, 14—17). Следует заметить, что в наборе добродетелей василевса, по Кидонису, несомненный акцент сделан на *σοφία*, в то время как его однокашник Николай Кавасила при том же наборе положительных качеств правителя выделяет благочестие и человеколюбие¹⁰.

Необходимость обрисовать идеального правителя в сочинениях, обращенных к Иоанну Кантакузину, определялась желанием Кидониса обосновать свое признание достоинств этого человека: «Ты все соединяешь в себе, как никто» (письмо 7, 17—18). Свой выбор Кантакузина в качестве идеального правителя Кидонис подтверждает ссылкой на божественное мнение: «Но бог с давних пор знал заботящегося о справедливости и устанавливающего власть в силу этого на основе законов» (письмо 6, 11—12) и мнение людей: «Все повторяют, что из всех скипетр тебе (должен) достаться» (письмо 7, 25).

Когда в октябре 1341 г. Иоанн Кантакузин был провозглашен в Дидимотике императором, Фессалоника, родной город Кидониса, осталась верна центральному правительству Анны Савойской. Димитрий покинул Фессалонику, храня симпатии к Кантакузину. С этого времени он будет напряженно следить за всеми действиями своего избранника. В 1343—1344 гг. он написал Кантакузину три письма (№ 11, 12, 16), наполненные ожиданием победы и уверенности в ней: «Ты победил, царь, и я — сраженный свидетель твоей победы» (*νενίκηκας τοίνυν, ὃ βασιλεῦ, καὶ τῆς νίκης σοι μάρτυς ὁ νενικημένος ἐγώ.* — Письмо 12, 37—38).

Восторженностью по отношению к Иоанну Кантакузину отмечены письма и речи 1345—1347 гг. (письма 6, 7, 8, 9, 10, речи I и II). Это было время, когда симпатия и уважение молодого Кидониса к Кантакузину выросли до размеров почитания и поклонения. Имя Кантакузина становится его путеводной звездой: «Я, разбив душу тяжелейшим несчастьем, знал, что следует, устремившись к тебе, обнажить рану и получить твои

издании писем, осуществленном Р. Ленертцем, цитирует Кидониса, однако по изданию Каммелли, ориентируясь на отдельные устаревшие датировки писем.

⁹ Утченко С. Л. Две шкалы римской системы ценностей. — ВДИ, 1972, № 4, с. 19—33.

¹⁰ Поляковская М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник. — АДСВ, 1973, 9. Об идеале императора см.: *Hunger H. Reich der Neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur.* Graz; Wien; Köln, 1965, S. 61—108.

лекарства. . . Твое имя было тем, что помогало, василевс» (речь I, 68. 14—16; 71. 16—17). Временный успех в переговорах между Фессалоникой и сыном Иоанна Мануилом летом 1345 г. вызвал бурю восторга в душе Кидониса. Он написал хвалебный эпиграмм¹¹, направив его во Фракию, где находился Кантакузин: «Твоей власти радуются народы и города, острова и континенты. Они прославляют твой характер и воспевают победившего всех. Нас же они считают счастливыми, ибо император дружелюбен нам, и предсказывают, что нам настолько высокое явится счастье, когда все народы будут покорены, все города примут твои законы, все признают единственного властелина и будет процветать добродетель, будут пользоваться свободой слова, мудрость, василевс будет для всех власть имущих примером всего прекрасного. Ты поднимаешься, словно возносящийся к небу столп, но только не в Пелопоннесе, как при Ификрате, а во всех душах и мыслях. Я же был с самого начала твоим сторонником и приверженцем. И душу мою ранило, если что-то у тебя получалось вопреки замыслу, и я радовался достигающим нас хорошим вестям о твоих делах. Ныне же, сочтя, что я не выдержу, чтобы только слышать (о них), я желал, отослав гонцов, усладить глаза сладчайшими из зрелищ и, будучи вместе с тобой, видеть, как наука управляет ойкуменой. Для этого я страстно желал (иметь) крылья Дедала, я думал о крылатой колеснице Зевса, но я утешал мысль (об этом) тем, что я не в состоянии получить это по (своей) природе. Прибыв в лучший из городов — я говорю, что ты был с самого начала принят совсем как Дионисий Фетидой, — я даю отдых в красе твоей души душе своей. Будучи вместе с тобой каждодневно и наблюдая в молодом человеке качества, которые составляют силу стариков, и явно прорывающийся юношеский пыл, я считаю, что ты (для меня) — не меньший учитель, чем отец, и что это все (сделали) твои знания. Острый (умом), стремящийся к науке, способный к учению, несклонный к (проявлению) пустого слова и непреклонный в поисках истины — в целом гармония во всех чертах характера. Все отличающее тебя стремительно проявляется, все это переходит по наследству к детям. Ныне же я радуюсь этому, словно сам нахожусь в храме. Да буду и я посвящаться в великие дела и созерцать добродетели василевса, сияющие во всей нашей земле».

Однако, как известно, политическая судьба Иоанна Кантакузина не была спокойной. Кратковременный успех лета 1345 г. сменился полтора годами новых попыток обрести власть. Борьба двух партий — кантакузинской и центральной — достигла наивысшего напряжения. В связи с этим в значительной степени осложнилось внешнеполитическое положение Византии. Димитрий Кидонис написал в эти годы письма 7, 8 (1345 г.), 9, 10 (1346 г.). Сейчас основной акцент делался автором на воинственности Кантакузина, его грозном имени, которое должно «отпугивать врагов» (*ἀνασοβεῖν τοὺς ἐχθροὺς*. — Письмо 7, 50—51). Кидонис полагал, что именно его избранник должен обеспечить внешний и внутренний мир империи: «Варвары будут шуметь, словно стаи крылатых, заметивших большого коршуна, римляне, наоборот, уменьшат грабеж» (там же. 54—56). Автор не осуждал, что по решению Иоанна Кантакузина турки использовались в качестве союзников: «Прежних врагов ныне они (граждане городов. — *М. П.*) имеют для охраны» (письмо 8, 11—12). Осенью 1345 г. в письме из Македонии он называет Кантакузина «думающим о свободе» (там же, 23) и объявляет его единственной надеждой: «Надежда одна — это ты» (*ἐλπίς δὲ μία σὺ* — Там же, 21—22). Он призывает к военной активности: «Итак, покажи, василевс, что есть и македонцы, и царь, отличающийся от Александра только по времени» (там же, 20—21).

¹¹ Loenertz R.-J. Note sur une lettre de Démétrius Cydonès à Jean Cantacuzène. — BZ, 1951, 44.

В эти годы Димитрий Кидонис не раз поднимает вопрос о жизни городов, связывая их «счастливую судьбу» (письмо 8, 22) с именем своего избранника. Он пишет, что на находящейся под властью Кантакузина территории «уже долгое время закрытые врагами ворота города он открыл и граждан, словно истощенных, вывел» (там же, 7—8). Кидонис считал, что в прежние времена, когда Кантакузин занимал высокий пост при Андронике III, он мог активнее оказывать помощь городам: «Когда правил прежний василевс. . . когда царской власти во всем советовал ум, ты стремился к помощи городам» (письмо 7, 33—35).

В конце 1346 г. Иоанн Кантакузин покинул свою резиденцию Селимврию (письмо 9, 16) и направился в Константинополь. Кидонис написал ему письмо, в котором говорил о шаткости победы их политических врагов и высказывал надежду на победу Кантакузина, приводя слова Гомера: «Победа дается то одним, то другим» (там же, 5). Другое письмо, написанное той осенью, также связывает с именем Кантакузина надежду на спасение и счастье: «Приди же, могущий излечить все несчастья людей» (ἦκε δὴ, πάσας συμφορας ἀνθρώπων δυνάμενος θεραπεύειν), «все несчастья отступят, когда ты появишься» (письмо 10, 23—24).

В ночь на 3 февраля 1347 г. Иоанн Кантакузин вошел в Константинополь и был коронован как соимператор Иоанна V Палеолога¹². Кидонис ответил на это двумя речами¹³, которые (наряду с письмом № 6 1345 г.) свидетельствуют о наивысшем проявлении преданности Кантакузину и веры автора в него. Энкомиаст провозглашает в речах наступление эры воскресения людей («Мы живем, словно воскресшие». — Речь I, 68. 2; «Бог послал спасителя». — Речь II, 81. 34), возносит хвалу богу, приведшему людей к миру: «И слава богу, успокоившему вихри, зажегшему факел для тех, кто нелепым образом был застигнут бурей, отвратившего гибель ойкумены и давшего императорской власти (возможность) умело вести род людской» (речь I, 68. 6—9). Димитрий Кидонис, считавший подобное завершение политического напряжения в стране естественным («. . . всегда в конце концов приходит победа». — Речь I, 81.32), благодарил бога и Кантакузина за восстановление безопасности городов и их счастья: «Бог и василевс со справедливостью отогнали бедствия городов» (речь II, 81. 27—28), «слава и тебе (Кантакузину. — М. II.), что трудами и опасностями для себя самого ты вновь завладел городами. . . и принес им счастье» (речь I, 68. 9—11). Кидонис определял победу Кантакузина как торжество мира и счастья после долгого периода «борьбы правды против лжи, справедливости против жестокости, добродетели против зла» (речь II, 81. 28—30).

Димитрий Кидонис по приглашению Иоанна Кантакузина стал первым министром (месадзоном)¹⁴. Это важное в его жизни событие он описал в «Апологии I» (Δέομαι πρὸς θεοῦ): «Захлопнув книги, я отправился к императору, имеющему ум и ценящему науки, и, как казалось, я был ведом провидением добра. Я получил его дружбу и почести, которых не удостоился ни один молодой человек, только что отошедший от школьных учителей, и на которые мог рассчитывать лишь старец, (отличающийся) добродетелью и мудростью. . . Я стал не менее, как одним из самых близких (его друзей)¹⁵. Кантакузин со своей стороны напишет позднее

¹² Dölger F. Johannes VI Kantakuzenos als dynastischer Legitimist. — *Параспора*. Ettal, 1961, S. 194—207.

¹³ Левертц называет первую речь Димитрия Кидониса к Иоанну Кантакузину прощением, а вторую — панегириком; см. Loenertz R.-J. Démétrius Cydonès, p. 51. Обе речи, думается, в равной мере вышли из-под пера энкомиаста.

¹⁴ Beck H.-G. Der byzantinische «Ministerpräsident». — BZ, 1955, 48, S. 309—338.

¹⁵ Mercati G. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. Città del Vaticano, 1931 (Studi et Testi, 56): 3. Apologie della propria fede, 1 (далее — А), p. 360. 26—31. Немецкий перевод трактата: Beck H.-G. Die «Apologia

в своих мемуарах, что Кидонис «всегда находился в царском дворце не только из-за благосклонности (ὁ ῥόγος διὰ τῆς εὐμένειας), которую в значительной степени он испытывал со стороны императора, но и потому, что, будучи месадзоном, из-за дел имел необходимость всегда быть вместе с императором — ночью и днем» (История, IV. 39, V. III, p. 285. 4—9).

Димитрий Кидонис, приблизившись к власти, побеспокоился о судьбе Нила Кавасилы и Исидора, своих прежних учителей, последний из которых вскоре стал патриархом. Именно тогда написал Димитрий известное письмо и своему другу Николаю Кавасиле, призывая и его служить избранному им василеусу: «Ты уступишь настоятельным просьбам друзей приехать, чтобы созерцать всеобщее счастье нашего императора, который осуществил это чудо. . . Я утверждаю, что ты можешь повиноваться императору, доставить удовольствие своим друзьям и уменьшить свои жизненные заботы, потому что император обеспечит тебя всем необходимым»¹⁶. Таким образом, по Кидонису, власть и просвещенность объединились.

После 1347 г. мы не встречаем среди сочинений Димитрия Кидониса громких словословий в адрес Иоанна Кантакузина. Это можно объяснить тем, что Кидонис был при дворе и необходимости для переписки не существовало. Но, с другой стороны, учитывая предназначенность византийского письма (и тем более речей), можно было бы считать возможным появление предлога для написания подобного сочинения.

Можно лишь догадываться о причинах возникновения у Кидониса иных настроений (или предчувствия этих настроений). Иоанн Кантакузин, бывший, по замечанию патриарха Филофея, в душе монахом, в значительной степени ориентировался в проведении своей политической линии на поддержку монашества¹⁷. А его месадзон уже в эти годы выражал критическое отношение к невежественным бородатым монахам¹⁸. Мало того, если Кантакузин в разыгравшемся в середине XIV в. идеологическом конфликте поддерживал мистическое направление Григория Паламы, то Кидонис тяготел к противоборствующей партии Варлаама и Акиндина. В первые годы пребывания при дворе Кантакузина (1347—1349) Кидонис написал письмо одному из своих друзей, видному стороннику антипаламитов Максиму Ласкарису Калоферу, позднее сыгравшему заметную роль в переговорах об унии церквей. Письмо это представляет интерес не только потому, что адресовано стороннику латинского направления, но и потому, что оно содержит некоторую характеристику придворной жизни. Максим, также бывший ранее сановником, вследствие размолвки с Кантакузином из-за приверженности к взглядам Акиндина, неожиданно уехал на Афон, чтобы стать монахом¹⁹. В письме к нему Кидонис рассказывает некоторые акценты, касаясь ситуации при дворе. Говоря, что адресат, не уйдя он в монастырь, мог бы быть с ним при дворе, Димитрий полагает, что он (Максим) должен был бы в таком случае вместе с ним (μετ' ἐμοῦ) «жаловаться и переживать такое, о чем слушать можно лишь с содраганием» (письмо 72, 6—7). Кидонис пишет, что пребывание при дворе «пусть выпадет на долю врагов, ибо им мог бы бог приготовить такую долю в возмездие за то зло, которое они совершили в отношении нас» (там же, 10—11). Производит впечатление то, что автор письма с некоторой грустью одобряет выбор друга, который предпочел «Афон

pro vita sua» des Demetrius Kydones. — Ostkirchliche Studien. 1952, 1, S. 208—225; 264—282.

¹⁶ *Démétrius Cydonès. Correspondance*, v. 1, N 87. 8—10; 30—34. См. об этом: *Поляковская М. А.* Политические идеалы византийской интеллигенции, с. 107—108.

¹⁷ *Порфирий Успенский.* История Афона. СПб., 1852, т. III. Афон монашеский, 2, № 52, с. 849. Об этом см.: *Прохоров Г. М.* Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. — ВВ, 1969, 29, с. 322.

¹⁸ *Démétrius Cydonès. Correspondance*, v. 1, N 88.

¹⁹ *Eszer A.* Das abenteuerliche Leben des Johannes Lascaris Kalophoros. — Forschungen zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969, S. 9.

столице, одиночество императорскому дворцу, здешней изысканности тамошнюю родниковую воду и бобы» (там же, 14—15). Отдаленность от двора Кидонис называет здесь «отдаленностью от наших зол» (там же, 16). Он противопоставляет монашеское уединение Максима своей собственной жизни и жизни себе подобных, «живущих из-за дел более недостойно, чем любой раб, но рьяно спорящих из-за первенства, полагая, что являются свободными» (там же, 17—18). Кидонис говорит о себе, что его «захлестывают волны», что он «рискует в море» (там же, 23—24). Разумеется, во всех этих сетованиях присутствует изрядная доля риторичности, традиционно используемая при сравнении житейской суеты и монашеской отреченности, однако Кидонисом явно превышены допустимые риторикой акценты при характеристике придворной жизни.

Это письмо ни в коей мере не свидетельствует о том, что Кидонис изменил прежним политическим симпатиям. Во многом, несмотря на наметившуюся трещину, их отношения остались прежними. Даже в занятиях латинской схоластикой Кидонис был поощрен Кантакузином, стремящимся познать глубже убеждения своих идейных противников. В рукописи Barb. gr. 398, л. 376 об. имеется запись о сочинении Фомы Аквинского «Summa contra gentiles»: «Эту книгу перевел с латинского на греческий Димитрий Фессалоникиец, переписал Цикандилис Византиец по предписанию (*κατὰ πρόσταξιν*) господина автократора Кантакузина»²⁰. В «Апологии» Димитрий Кидонис писал, что Кантакузин советовал «поспешить перевести книгу целиком, предсказывая от этого большую пользу греческому обществу» (А, 363, 21—23). Месадзон с уважением отмечал, что «император, очень любя книги, тратил много на оплату работы писцов» и что переведенные Кидонисом книги он поместил «в свою сокровищницу» (там же, 364. 49—51).

Когда Кантакузин в 1349 г. решил удалиться в Манганский монастырь, его спутниками были Димитрий Кидонис и Николай Кавасила. Позднее, вспоминая об этом времени, он похвалит их за те качества, за которые не раз и сам был ими хвалит: «Сопровождали его в уходе от жизни Кавасила Николай и Димитрий Кидонис, достигшие вершин мудрости и не в меньшей степени философствующие в делах» (История, IV. 16, V. III, с. 107, 14—18).

Несомненно, что занятия Кидониса латинской философией не могли не повлиять на мнение двора и на его положение как месадзона. Однако в «Апологии» Кидонис представляет Кантакузина своим защитником и покровителем в создавшейся ситуации: «Василевс откровенно ненавидел и называл клеветниками тех, кто тайком стремился очернить меня перед ним. Они добивались прямо противоположного тому, чего хотели. Приходя как обвинители (*κατήγοροι*), они тотчас же меняли позицию на защитников (*συνήγοροι*) и уходили, восхваляя (меня), ибо император принимал их бесчестность за свидетельство моей чистоты и (укреплял) изо дня в день мое положение. Он сделал много хороших дел с моей помощью и давал понять, что те, кто хочет оклеветать меня перед ним, говорят вздор» (А, 369. 91—97).

В период обострения взаимоотношений между Иоанном Кантакузином и Иоанном V Палеологом, когда первый вынужден был в связи с этим уехать из Константинополя во Фракию, Кидонис написал ему в ходе кампаний 1352 г. три письма (№ 13, 14, 15), выделявшие особо константу официальной политической идеологии — тезис о коммуникативной функции василевса между богом и подданными: «от бога к тебе, от тебя к нам идут обычаи» (письмо 15, 1). Автор говорит и о добродетелях василевса, но не столь пространно, как ранее.

²⁰ *Rackl M.* Die griechische Übersetzung der Summa theologiae des hl. Thomas von Aquin. — BZ, 1923—1924, 24, S. 52.

Однако можно предположить, что не так уж гладко складывались взаимоотношения Кидониса и Кантакузина. Не случайно один из друзей Дмитрия сказал, намекая на его пролатинские симпатии: «Ты ведь сам видишь, что это небезопасно — спорить с императором, патриархом и народом» (А, 391. 35—392. 36).

Когда время правления Кантакузина осталось позади, Дмитрий Кидонис написал в похвальной речи императору Иоанну V Палеологу: «Когда по счастливой судьбе престол твоего отца снова вернулся к тебе, а другой удалился, трудности прошли, я же, подобно тем, кто был закован, увидел, что оковы упали. . .»²¹. Трудно сказать, какой смысл вложил автор в эти строки. Может быть, здесь следует увидеть обычные для ритора сетования по поводу тягот службы, но вполне допустимо, что в этих словах звучит и критика в адрес его прежнего кумира.

Явный разрыв в отношениях Дмитрия Кидониса и Иоанна Кантакузина наступил в конце 60-х годов, когда экс-император начал активно выступать против латинофильского направления, защищая учение Григория Паламы. Его сочинения «Беседа с легатом Павлом», «Переписка с Павлом» многократно копировались и были широко распространены²². В 1368 г. был предан собором анафеме видный представитель латинофильского направления младший брат Дмитрия Прохор Кидонис²³. После собора и последовавшей вскоре за этим смерти Прохора Кантакузин, продолжая отстаивать истинность учения Паламы, широко распространял свое «Опровержение Прохора Кидониса»²⁴.

Письмо Дмитрия Кидониса этого времени (1372 г.), адресованное Иоанну Кантакузину, завершает линию развития их взаимоотношений. Приведем его полностью: «Я мог бы по многим причинам возразить, как подобает, на книгу, недавно распространенную тобой против Прохора или, лучше сказать, против истины, но я воздержался, (отбросив) все то, что побуждало меня к этому, кроме уважения к тебе, которое я еще испытывал. Следовало бы и тебе испытывать ко мне уважение и или совершенно раскаться и поэтому уничтожить упомянутый труд, или по крайней мере не устраивать с ним театра, понося человека, до такой степени превосходящего ныне всех мудростью, или, как третье, и мне (дать возможность) принять участие в чтении, чтобы, если ты правильно сказал, похвалив, я мог бы отказаться от своего мнения, почтив твой и Паламы мысли. Конечно же, если я покорюсь твоей Музе, и, услышав убедительные слова, буду поражен, я не предпочту Прохора истине. Но, как видно, дорожа сочинением, ты не можешь от него отказаться, но (скорее) предоставляешь (ему) свободу слова. Так поступают отцы в отношении сыновей, увеличенно их демонстрируя и заставляя блистать перед всеми. Сознавая значительную слабость сочинения, ты никого из обладающих умом не приглашаешь на его чтение, а зовешь лишь тех, кто расхваливает его вследствие (своего) недомыслия. Изготовив большое количество экземпляров сочинения, даря его, ты рассылаешь его повсюду тем, кто окажет ему радушный прием. Ты предписываешь читать и заставляешь произносить похвалы ему. Ты послал много экземпляров в Ионию, на Кипр, Крит, в Палестину, Египет, Трапезунд, Херсонес, все наполнив новой теологией. Одних слабость твоих слов склонила к противоположным мыслям, другим же вследствие незнания показалось, что ты сказал нечто мудрое. Но повсюду мыслящих людей меньше, глупцов же много. Я видел у нас одного такого, кому ты сам послал незадолго до этого книгу. Он был так далек от (возможности) делать вывод о прочитанном, что испытал головокружение, лишь увидев очертания букв, и нуждался при этом

²¹ ВNJb, 1924, 4, p. 184.

²² Прохоров Г. М. Указ. соч., с. 319.

²³ PG, t. 151, col. 693—716.

²⁴ Прохоров Г. М. Указ. соч., с. 319—322.

в учителе по грамматике. Мне кажется, тебе нужны именно такие читатели, ибо ты ищешь не уши, а языки, награждаемые тобой и за лживые похвалы. Почему бы и мне, обходящему в молчании многие чудачества, не выразить тебе признательность? Что побуждает меня к возражению? Если это справедливо — заступаться за друзей, то Прохор — брат. Конечно, тебе будет позволено бурлить относительно взглядов Паламы и поддерживать их гниль многими сочинениями, я же совершу преступление, защищая брата. Наконец, я сам был оскорблен в них (в сочинениях. — *М. П.*) и имел дурную славу. И ослам — по пословице — разрешается на действие (отвечать) противодействием. Да и сочинение содержит много извращений против истины, среди которых оказывается озлословленной и первая истина, за которую никто не побоится опасности в словах и делах. Да к тому же изобличение не много труда доставляет желающим опровергнуть: даже ребенок смог бы оспорить сказанное. И как (можно счесть) справедливым, что ты пообещал бы мне милость при этих законных (доводах), чтобы тебе, изменившему, оставить честь? Однако не об этом (идет речь). Если ты, оставив сочинение при себе, не будешь проявлять тщеславие, мы тоже не будем питать злобы за происшедшее. Но если ты сам воспринимаешь мое молчание не как милость, а как нечто должное, и если ты дашь себе свободу говорить о нас дурно, тогда мы, прославив императора, дадим отпор сочинениям, защищая бога и себя» (№ 400).

Несомненно, приведенное письмо содержит элементы псогоса. Осмеяние методов пропаганды «новой теологии» достигло в нем гротесковых размеров. Кидонис порицает Иоанна Кантакузина прежде всего за качества, противоположные ранее хвалимым. Если прежде ему импонировали в Кантакузине просвещенность, стремление к занятиям науками, то теперь основной темой критики стало невежество его адресата. Кидонис высказывает гневное неодобрение выступлениями «против истины». Приведенное здесь письмо свидетельствует о том, что поколеблен основной элемент, определявший соответствие Кантакузина политическому идеалу Кидониса.

История взаимоотношений Дмитрия Кидониса и Иоанна Кантакузина показывает, насколько тесно переплелись в Византии начиная с середины XIV в. политика и идеология, сколь сильное воздействие оказывала богословская позиция на политические симпатии. Отношение к Кантакузину было для многих византийских писателей и политических деятелей пробным камнем, определяющим сущность их устремлений. Энергия и политическая предприимчивость Иоанна Кантакузина были нередко причиной того, что многие из современников «примеряли» на него свой идеал сильного правителя. Но, как известно, Кантакузин, выражавший устремления крупной феодальной знати, склонной к проявлению сепаратистских настроений, не мог повести империю вперед, к установлению сильной монархии западноевропейского образца переходного к новому времени периода. Признание или непризнание его к концу периода гражданских войн определяло выбор и внешнеполитической позиции. Дмитрий Кидонис, порвав с Кантакузином, возглавил направление, связывающее будущее благополучие Византии с помощью Запада ²⁵.

²⁵ Поляковская М. А. Дмитрий Кидонис и Запад (60-е годы XIV в.). — В кн.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.